Aleksandra Niv'e

ВЕК БЕЗ СОВЕСТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Aleksandra Niv'e

ВЕК БЕЗ СОВЕСТИ.
Цена человека.

«Автор»
2026

Niv'e A.

ВЕК БЕЗ СОВЕСТИ. Цена человека. / A. Niv'e — «Автор», 2026

Наступает время, когда человека оценивают не по мудрости, доброте и ответственности, а по богатству, влиянию и внешним признакам успеха. Справедливость всё чаще зависит от силы, умение говорить подменяет знание, а законы служат не защите, а оправданию тех, кто способен навязать свою волю.Люди перестают доверять друг другу. Отношения строятся на выгоде, обещания обесцениваются, любовь и семья теряют глубину. Забота становится услугой, сострадание - слабостью, а правда - опасной роскошью. Даже живой мир оценивают лишь по пользе и убытку.Кажется, что изменить этот порядок уже невозможно. Но упадок мира не отменяет свободы отдельного человека. Даже среди лжи можно выбрать правду, среди равнодушия - сохранить сострадание, а там, где никто не хочет отвечать за другого, - принять ответственность.Сопротивление начинается не с громкого восстания, а с тихого выбора остаться человеком.

© Niv'e A., 2026
© Автор, 2026

Aleksandra Niv'e
ВЕК БЕЗ СОВЕСТИ. Цена человека.

Глава 1

ВЕК БЕЗ СОВЕСТИ
Книга первая
ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА
роман

Аннотация

Наступает время, когда человек оценивается не по мудрости, доброте или способности отвечать за свои поступки, а по богатству, влиянию и внешним признакам успеха.

Справедливость всё чаще зависит от силы. Умение говорить подменяет знание, внешняя благопристойность — внутреннюю чистоту, а законы существуют не для защиты, а для оправдания тех, кто способен навязать свою волю.

Люди перестают доверять друг другу. Отношения строятся на выгоде, обещания становятся пустыми словами, а любовь и семья теряют глубину. Старики и дети превращаются в обузу. Забота становится услугой, сострадание — слабостью, а правда — опасной роскошью.

Мир постепенно наполняется тревогой, жадностью и одиночеством. Люди уничтожают сады и деревья, не испытывая вины, потому что научились видеть в каждом живом существе только пользу или убыток. Они всё меньше знают, всё быстрее судят и всё охотнее подменяют собственную совесть чужими правилами.

Кажется, что этот порядок уже невозможно изменить.

Но упадок мира не отменяет свободы отдельного человека. Даже среди лжи можно выбрать правду. Даже там, где проще возненавидеть, можно сохранить сострадание. Даже если никто больше не способен быть наставником, можно не перестать учиться. Даже если окружающие заботятся только о себе, можно не отказаться от ответственности за другого.

Невозможно остановить течение времени и сразу исправить весь мир. Но каждый человек по-прежнему решает, что будет происходить внутри него.

И, возможно, именно с этого начинается сопротивление — не с громкого восстания, а с тихого выбора остаться человеком.

Содержание

Часть первая. След 5
Глава первая. Уточнение отсутствия 6
Глава вторая. Центр прикладных технологий 13
Глава третья. Очередь 21
Глава четвёртая. Сухой Ключ 28
Глава пятая. Чья мера 36
Глава шестая. До следующего импульса 44
Глава седьмая. Архивный след 51
Глава восьмая. Общий контур 56
Часть вторая. Слепые зоны 64
Глава девятая. Отвод 65
Глава десятая. Акт демонтажа 71
Глава одиннадцатая. Северный участок 76
Глава двенадцатая. Чужое дело 82
Глава тринадцатая. Ручная линия 85

Глава четырнадцатая. Номер смены 90
Глава пятнадцатая. Люди вне схемы 93
Глава шестнадцатая. Право на обход 98
Глава семнадцатая. Не тот след 104
Глава восемнадцатая. Единое правило 111
Глава девятнадцатая. Голос из пустой зоны 117
Глава двадцатая. Слепые зоны 121
Часть третья. Цена решения 123
Глава двадцать первая. Один цикл 124
Глава двадцать вторая. Принимающая сторона 131
Глава двадцать третья. Резерв 136
Глава двадцать четвёртая. Копия 141
Глава двадцать пятая. Местный режим 145
Глава двадцать шестая. Памятка 150
Глава двадцать седьмая. Хвост 155
Глава двадцать восьмая. Заседание 160
Глава двадцать девятая. Окно 168
Глава тридцатая. Исходник 174

Часть первая. След

Главы 1–8 · начало октября 2086

Глава первая. Уточнение отсутствия

В Северограде люди не пропадали. Они меняли статус.

Утренние новости сообщили о новом перераспределении воды в южных аграрных округах. Дефицит осадков оказался выше прогноза, поэтому «Контур» временно направлял дополнительные объёмы на медицинские и продовольственные объекты. Представитель «АгроСферы» говорил о бесперебойных поставках овощей в больницы и школьные кухни. Внизу экрана шла карта: зелёные зоны постепенно темнели, а рядом появлялись аккуратные подписи — «корректировка потребления», «снижение непродуктивной нагрузки», «устойчивость снабжения».

Марк Серов дослушал выпуск, пока кухонный блок готовил кофе. Ведущая улыбнулась и напомнила, что жителям не требуется предпринимать никаких действий: система уже учла интересы всех территорий. Внизу мелькнула короткая запись о снижении водной квоты в нескольких южных поселениях. Диктор назвал это «временным сжатием непроизводительного спроса». На соседнем экране реклама предлагала горожанам купить дополнительные минуты душа по льготному тарифу: вода в городе оставалась доступной, и никто не должен был менять привычки. Марк заметил, как ловко две новости поставили рядом, и всё же не придал этому значения. У каждой были свои цифры и своя аудитория. Он выключил экран. До работы оставалось двадцать минут.

На планшете висело уведомление: «Статус Лобанова уточнён». Он машинально нажал «принять» и только потом увидел строку внизу: «В случае несогласия обращение не требуется». Он давно научился не спрашивать, почему сообщение написано именно так. Если спрашивать каждый раз, день станет длиннее, а если день станет длиннее, кому-то придётся ждать. Он называл это дисциплиной. Позже понял, что дисциплина была хорошим словом для нежелания снова чувствовать ответственность.

Кофе был хорошим. Температура, крепость и горечь точно совпадали с его профилем. Иногда Марк думал, что раньше напиток мог приготовить другой человек, который просто помнил, как ты любишь. Сейчас для этого не требовалось ни памяти, ни внимания. Кухня была такой же удобной: матовые белые фасады, столешница под светлый камень, серые стулья. Марк выбрал этот набор три года назад из каталога готовых решений. Тогда ему понравилось, что не пришлось тратить время на выбор.

В лифте соседка попросила его придержать дверь, пока робот-переносчик везёт коробки. Она поблагодарила, не поднимая глаз от своего браслета. На улице после ночного дождя тротуар уже высох: вода ушла в прозрачные желоба, прошла очистку и вернулась в резервуары. У входа в жилой блок стоял пожилой мужчина с маленькой собакой. Питомец тянулся к клумбе, а хозяин пытался закрепить на ошейнике новый датчик. Прохожие обходили их по широкой дуге, не замедляя шага. Новые дома вдоль улицы были отделаны светло-серыми, песочными и молочно-белыми панелями. Машины в утреннем потоке различались формой и марками, но почти не оттенками: графит, серебро, белый. На остановке люди стояли в куртках той же спокойной гаммы. Когда на перекрёстке появился старый красный фургон с облупившейся дверью, несколько человек повернули головы. Не из-за шума — из-за цвета.

Марк не считал, что город стал хуже. В нём было безопасно, удобно и предсказуемо. Если в доме заболевал ребёнок, медицинский модуль сам находил свободного врача. Если ломался лифт, ремонтная платформа приезжала раньше, чем кто-то успевал пожаловаться. Пожилым

людям предлагали сопровождение, семьям — готовые образовательные маршруты, одиноким — сервисы общения. Никто не запрещал человеку заботиться о другом, но почти для каждой заботы существовала услуга, которая делала её необязательной. Марк не видел в этом зла. Он просто привык, что большинство проблем решается до того, как приходится просить о помощи.

Вечером всё было ещё проще. Дом знал, что Марк устал, раньше, чем он сам это замечал: свет в прихожей становился теплее, музыка тише, ужин приходил раньше, чем просыпался голод. Рацион на неделю собирался по утренним анализам, и никому не приходилось решать, чего он хочет, оно уже было приготовлено и оказывалось именно тем, чего хотелось. Одежда подбиралась по погоде, дорога на работу шла без заторов, на работе никто не повышал голоса. Никто не звонил с просьбами, которые невозможно исполнить, и никто не ждал на другом конце города, чтобы Марк вспомнил про чей-то день рождения. Он выдыхал, снимал ботинки и чувствовал нечто почти телесное: благодарность. Не нужно было выбирать, не нужно было просить, не нужно было никому быть должным. Это была хорошая жизнь, и он не лукавил, когда так думал.

Он работал в Управлении гражданской непрерывности, где проверял, правильно ли система связывает человека с его документами, адресом и правами. Большинство ошибок исправлялись без участия гражданина. Если же человек переставал числиться в общей сети, его статус требовал отдельной проверки.

В Управлении Яна Белова уже просматривала очередь обращений. Она руководила аналитической группой и обычно приходила раньше остальных. На её столе стоял стакан с чаем и лежал раскрытый планшет. Яна умела говорить с сотрудниками так, что замечание звучало как предупреждение, а не как приговор. Марк уважал её за это, хотя не всегда соглашался с решениями. Год назад она настояла, чтобы оператору, который ошибочно закрыл обращение семьи после пожара, дали возможность исправить запись. Тогда Яна сказала Марку, что порядок нужен не для того, чтобы люди перестали отвечать за ошибки, а чтобы ответственность можно было установить. Он запомнил эту фразу, хотя подозревал, что сама она уже не всегда верила в неё.

— Серов, у тебя сегодня ручная проверка, — сказала она, когда он снял куртку. — Старый источник, спорное подтверждение. Посмотришь?

— Что за случай?

— Пропал человек. Дочь оспаривает добровольный выход. Дело пришло из районного сектора.

Она вывела карточку на его экран. Аркадий Павлович Лобанов, пятьдесят один год, преподаватель Центра прикладных технологий № 18. Несколько дней назад его исключили из активного городского учёта. В системе значилось, что он самостоятельно перешёл на автономный режим. Основанием служила электронная подпись и короткая видеосверка.

— Почему назначили мне? — спросил Марк.

— У тебя опыт со старыми контроллерами. И дело не новое, там есть архивная связка.

В карточке стояла отметка о предварительном маршруте, сформированном до обращения дочери. В журнале значилось: маршрут запустило автоматическое сопоставление архивных идентификаторов; инициатор не указан. Марк задержал взгляд на этой строке, но сначала открыл заявление.

Вера Лобанова просила проверить подлинность согласия. Отец не собирался уезжать, говорил она, и должен был вести занятия на следующей неделе. За день до исчезновения он просил её зайти в центр и помочь разобрать материалы. Его личный браслет подтверждения, по словам дочери, остался в квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.